

Александр Тютчев

ХРОНИКА БАНКИРА

Альгердас Табатадзе

ХРОНИКА БАНКИРА

<https://litres.ru/74366913>

SelfPub; 2026

Аннотация

Книга, о непростой судьбе человека, пережившего крах СССР и крах своей первой жизни. История может оказаться полезной для военных людей и банкиров, и вообще для всех, размышляющих о превратностях жизни и судьбы. Насыщена сложными и криминальными событиями, выход из которых бываете очень сложным... Общение и борьба с криминалом, с банковскими мошенниками была нормой героя романа. Выживание - стало для него нормой жизни!

" Жизнь прожить - не поле перейти!"

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Альгердас Табатадзе

ХРОНИКА БАНКИРА

Глава 1

Выживание для него стало нормой жизни.
"Жизнь прожить - не поле перейти"

Георгий стоял у окна кабинета и смотрел на горную гряду Тянь-Шань, пытаясь запечатлеть в памяти всю красоту открывшейся перед ним картины. Полтора года он видел все это почти каждый день, и зачастую, утомившись от текущих дел, возвращался к окну, чтобы успокоиться и отвлечься от будничной службы. Это большое окно в стене, слева от рабочего стола, открывало невообразимый по красоте вид. Эта картина навсегда осталась в его памяти, она была явно божественного происхождения, умиротворяла и позволяла на время забыть все волнения и переживания, связанные с текущими событиями и тревожными размышлениями о будущем. Величие гор, как ничто другое, убедительно подчеркивало вечность и всю ничтожность и хрупкость человека. Снежные вершины, нависающие над городом, в разные времена суток невообразимо меняли свой первозданный вид, от

ярко белого утром, до светящегося и ослепляющего в полдень, медленно переходящего в серо голубой и темно синий к позднему вечеру. Горы за окном, притягивали Георгия, какой-то не понятной по происхождению высшей силой, звали его к себе и как будто тихо, но очень спокойно и уверенно говорили: «Забудь все! Все вокруг только воображение, только временное, а настоящее и вечное – это мы!». Он с ними мысленно разговаривал, восторгался их красотой, наполнялся их спокойствием и силой.

Вечерами он засиживался в служебном кабинете, так как спешить было не куда. Семья была за тысячи километров от него, а жалкая коморка, которую с большим трудом удалось выбить в военной коммунальной администрации города, размером в двадцать квадратных метров, находилась на краю города в семи километрах от его кабинета. Это жалкое подобие квартиры было меблировано металлической солдатской кроватью и старым телевизором на тумбочке. В прилегающей к комнатке крохотной кухне стоял обшарпанный столик и стул. Раздобыть эту «роскошь» удалось благодаря помощи однокурсника по академии Валеры Челокяна — командира зенитной ракетной бригады, штаб которой дислоцировался недалеко от штаба корпуса. Комбриг был армянином по национальности, учился в соседней группе, и все три года в академии они поддерживали дружеские отношения, часто бывали в одной компании на мальчишниках и на семейных мероприятиях. Челокян, был невероятно рад, ко-

гда до него дошел слух о том, что в Алма-Ату получил назначение его товарищ по учебе. На кухне еще поместилась газовая плита и умывальник, к ней примыкала маленькая ванная. Что-то покупать самому, в отсутствии семьи, Георгию совершенно не хотелось – это как одевать хороший костюм отправляясь на беговую прогулку. Фактически, это была ночлежка, которая помогала неким образом внести определенное разнообразие в его четко размеренной и выверенной расписанием жизни, и позволяла хоть на чуть-чуть отдалиться и отвлечься от людей, которых вокруг него, по долгу службы, всегда было много. Но, даже эта маленькая ночлежка выглядела роскошью по сравнению с инфекционной комнатой в медсанчасти местной зенитной ракетной бригады, куда его разместили на проживание по прибытию в корпус. В дальнейшем он старался не вспоминать эту страницу жизни, полную человеческого безразличия со стороны командира корпуса, начальника политотдела и начальника тыла – маленького, кругленького, не симпатичного человека, всегда заискивающе смотревшего на командира корпуса. Он был его Санчо Панса. Если помнить все отвратительное, можно оказаться заживо погребенным этим отвратительным. В конце концов, эта неустроенность упростила процесс принятия решения по своей дальнейшей судьбе. Может так было надо и так было предписано сверху, может быть это и была линия судьбы. Быть постоянно одному трудно любому человеку, Георгию было трудно вдвойне: он любил свою же-

ну, своего сына Николая и старался почти каждый день им звонить. Ему это удавалось благодаря военным каналам связи. Из штаба корпуса с позывным «Галета», необходимо было выйти на Москву, на главкомат, с позывным «Комета». Дальше, необходимо было упросить «Комету», соединить с «Тропой», штабом армии в Минске, там уже соединяли со «Шквалом», позывной его бывшей бригады, а дальше с квартирой, где у него оставался телефон военной связи. Девушки-телефонистки, на всех коммутаторах, из-за постоянных звонков, уже хорошо знали Георгия и старались всегда ему помочь. Только иногда, в случаях перегруженности линий, ему приходилось пользоваться обходными каналами связи. Постоянная связь с домом помогала ему пережить это непростое время, так же, как и семье помогала жить без него. Георгий всегда спрашивал жену:

- Как вы держитесь без меня?

Мария всегда отвечала:

— Не волнуйся, очень скучаем, но держимся! Ты же хорошо знаешь, пока ты был здесь, то и мы кто-то, уехал ты — и мы никто. Но это касается, только некоторых, в основном все помнят, уважают и помогают чем могут...

Благодаря горам день быстро угасал. Только здесь, в Алма-Ате, Георгий понял: почему людей, как магнитом тянет в горы, к этим снежным вершинам, к этому величию и красоте, словно некая фея с волшебной палочкой в руке, гип-

нотизируя, заманивает их туда. Почему они – люди, рискуя жизнью, пытаются приблизиться к ним и покорить их. Ранее, он никогда в своей жизни, так долго не наблюдал гор – только мимоходом. Однажды, околдованный этой невидимой силой, он выехал за город и попробовал добраться до них, ведь горы из окна, казались такими близкими и доступными. Продвигаясь вверх по течению небольшой горной речки с ледяной и изумительно чистой водой, он уже через три часа упорного «восхождения», понял, что все кажется простым и таким близким только на расстоянии, а в действительности, как и вообще все в жизни, оказывается гораздо сложнее. Афоризм великое видится из далека, в данном случае не подходил, великое вблизи оказалось еще более великим и недоступным.

Вернувшись, на следующий день в кабинет, он уже смотрел на горы по- другому. Теперь они были сказкой, иным фантастическим миром, мечтой, загадкой, которая всегда будет его манить и которая, так никогда и не будет им разгадана. Он не привык к этому. До сих пор все, что задумывал, все к чему стремился, цели и задачи, которые ставил перед собой он успешно достигал...

Георгий, еще немного в задумчивости постоял у окна, потом, как бы возвращаясь к действительности, медленно подошел к рабочему столу и взял в руки лежащую на столе телеграмму, которую перечитывал уже много раз. Текст, обозначенный в ней был простым по форме и беспощадным по

содержанию. Телеграмма была от мамы: «Срочно приезжай. Папа в тяжелом состоянии». Тяжело вздохнув, он сел на стул погрузившись в свои мысли. Папа – всего четыре буквы, но как много в этом слове дорогого...

Ввиду сложившихся обстоятельств, он не смог вылететь немедленно. Оформление документов на его перевод в Белоруссию заняло определенное время и находилось в стадии завершения. Все службы штаба старались помочь, так как хорошо понимали, что в данной обстановке мелочи не имеют никакого значения, да и должность первого заместителя командира корпуса – по сути не являлась материально ответственной. Оставались небольшие формальности, которые фактически были завершены и свое личное дело – один из четырех существующих экземпляров, ему выдали прямо в руки, что являлось вопиющим нарушением всех действующих инструкций и правил; но, таково было время, в котором никому уже не были интересны действующие каноны и порядки, и все делалось так, как было удобнее и быстрее.

Георгий, несмотря на суматоху, царившую в вооруженных силах и в республиках бывшего СССР, смог добиться своего перевода, а точнее возвращения в Белоруссию, в которой, еще недавно, был комбригом. Он хорошо помнил свое первое обращение к Шушкевичу, занимавшему пост Председателя Верховного совета, в котором перечислял все свои заслуги, имеющиеся награды, сложившиеся личные обстоятельства по службе и в семье. Все это выглядело немного

унизительным, и совершенно не соответствовало его внутреннему духу успешного, уверенного в себе военного человека, но в условиях стремительно развивающихся обстоятельств уверенности оставалось все меньше. Текст обращения напоминал какую-то торговлю, в нем он выставлял себя в качестве товара, который навязывал покупателю... Быть просящим, ему было не свойственным. Весь его военный путь от простого курсанта до должности первого заместителя командира корпуса, которая по штатному расписанию была генеральской, претил этому, но деваться было некуда, и через это некомфортное чувство пришлось переступить. Письмо попало в канцелярию Верховного Совета, затем в строгое соответствии с бюрократической процедурой, было перенаправлено в министерство обороны, а оттуда к конечному адресату - командующему отдельной армии противовоздушной обороны.

В мае, будучи в отпуске, он встретился с командующим, которого хорошо знал, так как командуя бригадой, был у него в подчинении несколько лет. Георгий, почти дословно запомнил весь разговор:

- Товарищ командующий, все офицеры говорят о том, что вы идете на должность министра обороны. Возьмите меня в свое подчинение. Командующий высокий, сухоощавый, подтянутый генерал, с тонкими мужественными чертами лица, после небольшой паузы, найдя нужные слова и внимательно посмотрев на Георгия, будто видел его в первый раз, ответил:

- Руруа, ты же не идиот, ты умный, опытный офицер, первый заместитель командира корпуса, лучший комбриг в зенитных ракетных войсках ПВО страны, ты должен знать когда все говорят, это не сбывается. Я тебя возьму в свое распоряжение, дам возможность соединиться с семьей, но это самое большое на что ты можешь рассчитывать в данный момент. И еще, не обижайся... Ты кто? – и сам ответил, – грузин. А кому тут грузины нужны, тут – белорусы. Это было сказано без злости, без агрессии – это было сказано с сочувствием и сожалением.

Да, действительность меняла все сложившиеся каноны и сегодня ты грузин, русский или белорус приобретало большую значимость. На том и порешили главное вернуться. Этот разговор лег тяжелым камнем на сердце, он, как бы предсказывал все не простые события, которые ожидали его впереди и зарождал сомнения о возможности дальнейшей службы – службы, которой он посвятил всю свою жизнь. Но, как говорят, надежда умирает последней, делай что должен, что можешь, а там куда волна вынесет. И вот теперь, рядом с телеграммой лежал билет на самолет, который завтра унесет его в неизведанное, и зачеркнет все предшествующие годы повседневного тяжелого труда, все прошлое, а может и будущее. Такого с ним никогда еще не было, в такое беспомощное состояние его еще никогда не ставили. Что будет дальше: с ним, с семьей, с карьерой? Каким-то непонятным внутренним чувством он ощущал, что слово карьера уже становится

не применимым в его дальнейшей жизни. Да, когда-то был военным инженером по радиотехнике, по своему первому образованию, но это было давно и недолго, и он почти потерял все навыки. Конечно, их можно восстановить, но потребуется какое-то время. Есть права, может водить машину; еще не старик, всего сорок один год, и может выучиться, что-то освоить. В конце концов можно просто подметать улицы и рыть ямы... Грузил же когда-то вагоны. Но тогда он был молодым, и это было как бы баловство.

Ему было, о чем поразмышлять: впереди ожидала очередная бессонная ночь, так как уже почти две недели он работал и ночевал в своем кабинете, после того как вернувшись из отпуска не смог попасть в свою комнату. Замок в квартире был заменен, а его небольшие пожитки, небрежно брошенные в чемодан и сумку, оказались в кабинете. Как выяснилось потом, пока Георгий был в отпуске, командир корпуса генерал Кокурин, успел перевестись на Дальний Восток, а новому, уже местному по происхождению, некуда было сложить свои вещи: выбросить заместителя на улицу, как оказалось было самым простым решением. Начиналось очередное великое перемещение народов русские уезжали в Россию, украинцы в Украину, казахи в Казахстан... Это помешало ему, в последний момент, получить назначение на должность командира корпуса, и как запасной вариант поступить в академию генерального штаба, хотя все необходимые документы уже были собраны.

Прошел почти год с тех роковых событий лета 1991 года, когда агонизирующей от многочисленных глубоких ран, громадной империи был нанесен последний смертельный удар. Георгий не один раз прокручивал у себя в голове события тех дней. Семнадцатого августа в субботу, прогуливаясь вечером вдоль улицы он с интересом наблюдал кортеж автомобилей с Ельциным, который прибыл с визитом в Казахстан, а уже девятнадцатого августа корпус, его части и соединения были переведены в повышенную степень боевой готовности в связи с переходом власти к ГКЧП – государственному комитету по чрезвычайному положению. Обстановка в Казахстане была спокойная, но обстановка в войсках, с этого момента, была крайне напряженная. До шестнадцати часов восемнадцатого августа военные штабы всех инстанций находились в шоке и раздумьях о происходящем. Сказывалось отсутствие информации. После шестнадцати часов в штаб корпуса посыпались многочисленные шифровки с приказами, распоряжениями и указаниями. Часто они были противоположными по смыслу. Именно тогда, Георгий понял, в какие сложные ситуации попадают руководители, в условиях масштабных катаклизмов, когда каждому приходится принимать чью-то сторону, при этом хорошо понимая, к каким последствиям в дальнейшем это может привести. Ситуация усложнялась полным отсутствием достоверной оперативной информации о расстановке сил. Это, как гадание на картах, это как гадание на кофейной гуще. Каждый принимал реше-

ние, руководствуясь прежде всего своими представлениями о чести, конституционном долге и личной интуицией. Особенно решительно в эти роковые дни действовало командование войск ПВО, его военный совет и лично главнокомандующий войсками генерал-армии Третьяк. Они с первой минуты поддерживали действия ГКЧП. Утром двадцатого августа командующему Московским округом ПВО, командующим армий ПВО, командирам соединений и частей, а также учебных учреждений поступило Обращение военного совета войск ПВО ко всему личному составу. Это обращение поступило и в корпус Георгия.

Он, выдвинул ящик стола, достал свои записи, открыл страницу, на которой сверху было написано «Обращение военного совета войск ПВО» и стал еще раз его перечитывать: «Товарищи, мы обращаемся к Вам в критический момент для нашей великой Родины. В эти дни решается судьба советского государства и каждого советского человека...». Его глаза быстро скользили по тексту, останавливаясь только на существенных моментах. «...Исполнение обязанностей президента государства, в соответствии с действующей конституцией СССР возложено на вице-президента Г.И. Янаева. Мы уверены, что вы правильно оцениваете ситуацию и понимаете, что объявленные меры носят временный и вынужденный характер, их основная цель: предотвращение развала нашего единого многонационального государства – Союза Советских Социалистических Республик; восстановление

на территории всей страны действия конституции СССР; не допустить дальнейшего сползания к хаосу и анархии...». Георгий не стал читать весь остальной текст, который он и так хорошо знал. Решил вспомнить только последние строчки: «Военный совет войск ПВО верит в вашу политическую и человеческую зрелость, высокую ответственность воинов – патриотов, воинов – интернационалистов за судьбу социалистического отечества... Самой историей нам предоставлена возможность доказать слова: «народ и партия едины» – это вовсе не красивый лозунг, а жизненная реальность, которую никому и никогда не удастся нарушить. Так будем же в это сложное время, критичное время на высоте своего исторического предназначения».

Георгий много раз читал и анализировал это обращение, пытаясь понять в чем его замысел, с какой целью оно появилось? Чем больше он его перечитывал, тем больше вопросов у него возникало. Что это? Крик отчаяния или призыв к восстанию, намерения остаться в истории или просто реакция на подсознательном уровне сформированная годами. Он так и не смог найти ответа: «Во-первых, войска ПВО не могли сыграть никакой роли в этой свалке; в этой свалке только танки и пушки, как всегда, определяли ход истории. Во-вторых, на что они рассчитывали? Какие ожидания могли быть от простых людей, которые хоть и проголосовали за эту страну на референдуме, но не имели ни сил, ни желания ее защищать ценой своей жизни». Особенно остро-

рожно, в противовес командованию войск ПВО действовала Ставка вооруженных сил Южного направления, их указания были лаконичными и касались только мер боевого усиления. Эти качели, просматривались во многих приходящих указаниях от других инстанций – одни телеграммы и резолюции были эмоциональными, другие хладнокровными и только по существу боевой готовности. Эта решительность командования войск ПВО дорого стоила всем членам военного совета. Георгий многих из них знал лично. Он сам один раз присутствовал на военном совете, пересекался дважды с главкомом, с заместителями и командующими родами войск. Через несколько дней военный совет войск ПВО был разгромлен, а многие его члены были уволены вместе с главкомом. Утром двадцать пятого августа в войска поступило последнее распоряжение главкома; оно было странным, непонятным, сумбурным и не соответствующим обстановке, а уже вечером того же дня поступила телеграмма из главного штаба, о назначении главнокомандующим войсками ПВО генерал-полковника авиации Прудникова.

Георгий хорошо помнил работу управления и штаба корпуса в эти дни, как тщательно и внимательно они подходили к написанию резолюций, приказов и распоряжений. Этот процесс был почти коллективный. Это было и понятно, корпус и главный штаб войск ПВО – это категории двух разных масштабов. Не в компетенции руководителей корпуса давать оценку военно- политической обстановке, поэтому резолю-

ции на поступающие документы, приказы и распоряжения в подчиненные соединения и части делались только по существу вопроса без лишних комментариев и сентенций. Особенно тревожно стало, когда двадцать пятого августа в войска поступили шифровки о назначении министром обороны Шапошникова, начальником генерального штаба Лобова и особенно зловещего указания, за его подписью «О запрете уничтожения всех документов в период с девятнадцатого по двадцать второго августа». От этой шифровки шло холодом. Смысл ее всем был понятен. К счастью, это намерение осталось только на бумаге. Акт мести не состоялся. Всего скорее, ни у кого из новой власти не было ни сил, ни возможностей осуществить масштабную проверку каждой инстанции, тем более, в условиях полной неразберихи. Новая власть находилась в состоянии эйфории, но была еще слаба и не организована. Праздничные реляции туманили головы. И не только реляции, но и застолья со спиртным, льющимся рекой. К тому же, очевидно, нашлись умники, которые объяснили к каким последствиям могут привести такие действия...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.